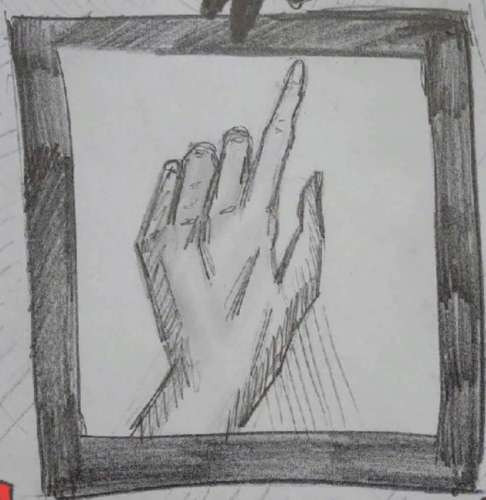

Иван III.

Сакральная
хонтология

6+

Иван Шишляников

Сакральная хонтология

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65780381

SelfPub; 2021

Аннотация

Сборник философских стихов, посвящённых самым разнообразным темам: Бог и вера, любовь и радость, Смерть и её упразднение. Хонтология – это попытка ужиться с теми призраками, которые произрастают из творчества. Давайте искать призраков вместе, чтобы наша жизнь стала интереснее. Посвящается Дарье М., с любовью.

Иван Шишлянников

Сакральная хонтология

Я с вами!

Я с вами! Вы думали, что чад умирать оста́вил?

К чему тогда мой престол? К чему этот пакт с Небеса́ми?

Вам бы лишь хлеб – прósите его не перестава́я,

К чему слова из мира другого? Глядите – звёзды над ва́ми!

–

Понимаю, что тяжело признаться себе́,

"Нас слепила Природа", но ведь Я был над не́й!

Дети, к чему это сотрясение во́здуха?

"Бога нет" – таков гимн Ричарда Дóкинза.

–

Но он прав, Меня больше нет в вашей жи́зни,

"Бог мёртв" – мою смерть зафиксировал Ни́цше.

Это не значит, что Сын зря излагал уче́ние,

Вы выросли, оставьте позади свои колыбе́ли.

–

Все ваши войны – вовсе не Моя вина́,

Ангелы служат Мне, но у вас другая тропá.

Я ради вас раскололся на разные ча́сти!

Будьте собой – ищите настоящее сча́стье.

–

Мне было непросто общаться с проро́ками,

Думаете, что им просто коммуницировать с толпами?
Сейчас для некоторых Мои слова – вербальное наси́лие,
Но это не так – Я допускаю вариативную метафизику.

–

У вас столько талантов, но вы используете их во имя зла,
Это надо уметь – так искусно извращать Мои слова!
Сидит человек, говорит на весь мир, что верит,
Затем добавляет – Бог ненавидит гэев.

–

Ваши пастыри слéпы, они исказили Мою любóвь,
Не вмешиваюсь в ваши дела – не насылал Я потóп.
И Сын многого не говорил, многое не дéлал,
На Его учении кто-то воспел ненависть к жéнщинам.

–

Вам не понять Меня, да и зачем это ну́жно?
Я подарил вам божественную любовь – обрати её в чу́в-
ство.

Не нужно всех разделять по рангам, будто это в вашей
вла́сти,

Вы удивитесь, когда умрёте, а пока что – Я с ва́ми!

Миссия мудреца

Мы пришли держать слово во имя добра́,

Только глянь: позади нас выжженная земля́.

Словно глянец – блестит и переливается, вся в крови́,

Но у событий разные оттенки – растиражируем истину в
СМИ.

—
Как думаешь — почему все вокруг такие ретрограды?
Впору очертить из соли круг, чтоб нас не достали кош-
ма́ры.

Мы им несём истину, а они истово сопротивляются,
Всё в пепле, в горьких слезах — гадкая ода витальности.

—
Мы небесный отряд, нас кто-то послал — загадка,
Достоевский из наших, он вот избрал христианство.
Это достойный выбор, но нам уже не подходит,
Мы натянуты, будто струна — состояние перехода.

—
Некоторые мудрецы ненавидят этих людей,
Всё понимаю: вот постмодерн, а где постчеловёк?
Такая у нас вот великая битва — искать отголоски смысла,
Загружаем информацию в мысли — питаемся гнилью.

—
Мне это не нравится — я каждый день ем из помойки,
У кого-то попойки, у меня война идеологий.
Это не фасцинация, это иной тезаурус,
Мы изучаем язык, а он ведёт всех нас за нос.

—
И какого чёрта? Мой союзник снова ослеп,
Выбрал жёсткие догмы, заковал себя в цепь.
Лишь детский лепет, попытка раскрасить окобы,
В космосе гипернова, что освещает отсутствие боли.

–
И вот он я – философский шифтер,
Использую всю палитру цветов: бард скептицизма.
Моё отношение к Вечному – кот Шрёдингера,
Собираю себя из блоков – каждый раз по-новому.

–
Это удивительная война – пока нет стратегии,
Люди о ней не знают: им бы традиционные ценности.
Не прошу у вас прощения – это философский демонтаж,
Смотрю на мир с помощью тысячи глаз – параллакс.

Арес, мы поумнели

Приветствую, Леонид, в отроках дух Спарты,
Спал ты, но Рок воскресил тебя из земного праха.
Слева от меня – Афина, справа от меня – Арес,
И Зевс сражался за Правду, здесь каждый боец.

–
Раньше титаны ходили по земле, их смысл потоп,
Великая машина войны – сияющий Вавилон.
Авраам сражался с царями, ему помогал Бог,
Тени мне говорят – человек не может без войн.

–
Это было "ветхое" время, вёл войну Александр,
Но для Диогена он лишь тень: забвение – производная
славы.

Мы слабы – ведь решили сложить мечи,
Иудеи хотели войны, страдали от ложных мессий.

–
Только подумать: ООН запрещает разрывные патроны,
Читаешь учебники – тебя трясёт от трагедии в Кóсово.
Дроны, танки, ракеты – зачем нужны дипломаты?
Давайте кормить Ареса – помните Нагасаки?

–
Афина – богиня мудрой войны, есть в этом фальшь,
Война не бывает мудрой, война – это кровь и грязь.
Мои предки защищали дух русский, теперь они пámять,
Отложи свой автомат, давай сражаться слова́ми!

–
Давай сядем за стол, не будем вспоминать тира́нов,
В этом нет Правды, они оставили на теле истории шра́мы.
Признаем свой несовершенный гéнезис – мы не так уж
мудры́,

Помни: мёртвые – единственные, кто видит конец войны́.

И гвозди заговорят

Тектон работал: потные ланиты, ходят желваки́,
Остов мой из металла, но всё ж решил заговорить.
О, мастер, знал ли ты, что это непростая древеси́на?
Так встретятся Земля и Небо – се неотврати́мо.

–
Смотрел он на меня – отягощённый челове́к,
В мозолях руки, страдание порождает хле́б.
В хлеву родился Мальчик, его узрели пастухи́,
На скорбное лицо смотрю, тоска рисует мастерски́.

—
Господь, за что мне эти муки? Я сошёл с ума,
Вот видится кошмар, он разъедает мне глаза.
Работал я всю ночь, весь день – и вот итог,
Пора на отдых уж – сковал меня морок.

—
Тектон, уймись, на всём печать Создателя,
Природа – тоже книга, эманация Савáoфа.
Кому-то ангелы, кому-то сны, кому-то гвóздь,
Хочу сказать, что ты ещё сыграешь свою роль.

—
Ты делаешь кресты для Римлян, горько плачешь,
Колени стёр уже давно – "За что мне эта кара?".
И вот тебе явился я, ведь ждёт тебя награда,
Однажды на твоём кресте будет распято Бога чадо.

—
Сначала будут целовать, потом начнут плеваться,
Впитаешь горечь, таков уж план – есть ты медиатор.
Ибо искусный творец, твоё сердце чисто,
На твоём кресте умрёт Бог, сойдёт ради нас в Шебл.

—
Никто не будет проклят, даже Иúда,
У Бога много чудес, во всём Его мýдрость.
Будет тяжело в начале, покажется, что это конец,
Но Конец есть Начало, Зло станет Добром – возрадуйся
же тепёрь!

Метафизика вещей

Паук, что ты там ткёшь? И ради чего?
Нам недолго осталось, вот уж скоро исход.
Я тоже мечтал о деревьях и ветках,
Сейчас я заляпан в крови челове́ка.

—
Платок, ты же тоже о многом мечта́л?
Мной владела девица, она была так чиста́!
Природная красота, святая невинность,
Много с тех дней событий случи́лось...

—
Кровать, держи слово, помнишь те дни?
Как уж не вспомнить горький привкус слезы́.
Отец той девчонки все деньги пропи́л,
А она продавала тело, чтоб деньги добы́ть.

—
Топор, сейчас ты самый жалкий из нас,
Что же случилось? Ты куда пропада́л?
Ребята, вы не поверите, но я совершил преступле́ние.
Обух мой раскроил на днях чей-то че́реп.

—
После этого меня бросили на пол, а я зарыда́л,
Нас столько здесь собралось, во что играет Судьба́?
Та девчонка продавала тело, но молилась Бо́гу,
И я тоже молюсь за нас, не хочу остаться свблочью.

—

Вот вы не понимаете, а вон там висит труп,
Это не вина верёвки, это претит её естеству.
И самое страшное в том, что он не выключил чайник,
Наша смерть – ничто, подумайте о целом здании.

–

Мы многое видели: смерть, злобу и бóль,
Лишь инструменты, но знаем, что мир непрóст.
Надеюсь дым заметят, нас же пожрёт огóнь,
Я слышал об этом от Сони – Хвала тебе Боже, грядёт Эс-
хатóн!

Либертас

Говорят: "Путь на Небеса лежит через Преиспóдную",
Но их сладкие речи Геенну и сóздали.
Считают: "Не зря проливаем кровь, мы войско Смёрти",
Но у Смерти есть идеалы, а им вы не вёрьте.

–

Им нравится топтать святыни: "Таков Ктулхуцэн",
Они расчеловечили нас: "Человек есть жалкий чёрвь".
Над миром Традиции они надругáлись,
Если чтишь опыт предков, то ты попросту вáрвар.

–

Ещё гуманисты нам предвещали бедú,
Ингуманисты пошли дальше, ждут, когда нас сотру́т.
Это сумрачный мир, он состоит из кóда,
Однажды земное ядро начнёт штурмовать сóлнце.

–

Ланд скажет: "Капитал важен, впереди акселерация",
Если снимешь очки идеологии, то увидишь фрейм "Подчиняйся".

Ты в этой системе координат цифра – ничто,
Ингуманизм растопчет нас, ведь Модерн сдулся – не смог.

–
Уж лучше удариться в архаику, святить Гелиоса,
Чем разделить с ними комплекс неполноценности.
Нигилизм уже не в моде, он же едкий, как кислотá,
Хватит смотреть на Запад, умеешь только повторять?

–
Гераклит говорил, что "большая часть людей глупá",
У нас своя идентичность, но зачем её изучать?
Тебе показали мираж, а ты и не против,
Забавно, что тюремщики говорят от лица Свободы.

Аид, ура тебе!

Гиппократ, вот и ты – я ждал тебя давно,
Харон поклонник медицины, прими и мой поклон.
Асклепий, Панакея – просили за тебя, меня молили,
Тебя уж ждут, герой, рукоплескает весь Элизий.

–
Слава славе рознь, ты человек, не Бóg,
Перед тобой Аид – покровитель тех, кто мёртв.
В моей ты власти, смертный, встанешь на колéни?
Болезни отступили, их прогнал какой-то "лéкарь".

–

Чума идёт от полиса до полиса – их души льнут ко мне,
Потом Танатос заявляет: "Владыка, в мир пришёл муд-
рец".

Доколе, Зевс? Опять кого-то натаскал Гермес?
Смотрю: там ты, лишь тень – не боёц, не Одиссэй.

–
Какой-то червь решил артачиться, хулить Судьбу?
Ты не Гомер, но слеп – избрал неверную стезю.
И как Олимп позволил смертному подобное?
Даю тебе минуту – порази меня риторикой.

–
Аид, ликую я, такая честь стоять перед тобой,
И Персефона здесь, хвала и ей за шелест крбн.
Ты правду говоришь, мне надоело видеть горе,
Не гордость говорит, а Надежда – из ящика Пандоры.

–
Всё понимаю, Владыка душ – се твой хлеб,
Но людям нужно много жить, чтобы помудреть.
Зачем богам глупцы, что топчут эти зёмли?
Я их лечу, они цветут, создают Ликей.

–
Изучат мир, поймут Добро – обрящут Свет,
Подумай сам: возьмёт их седина, но сколько будет жёртв?
Вам строят алтари, возводят храмы, слёзно молят,
И ты пожнёшь достойный плод – отстроишь здесь
Некрбполь.

—
Скажу и так: мы созданы богами – это чéсть,
Грек не боится смерти, чтит заветы Дэльф.
Философы напишут про тебя – ты мера всех вещей,
Я дал им жизнь, чтоб понимали – достойно нужно встре-
тить Смерть.

Вечная Терра

Разум мой узнал тебя, взор зацепился за рога,
Тебя оплёл ярчайший Свет, в нём зрею я Сина́й.
И быть не может, оживший архетип – так глаголил Фрэйд,
Что делает в моей квартире законодатель Моисей?

—
Я вжался в кресло, на руках моих криста́ллы,
И что за Свет мерцает за окном, это что – пульса́р?
В моём немалом зале вещи все пропа́ли,
Смотрю по сторонам, мой Бог – фантомы воскреса́ют!

—
Тебя я знаю – Ролан Барт, а там сидит Фуко́,
Читал про вас, общался с вами – постоянный диалог.
Вот это да! Мой образ мысли есть "номад", а вот Делёз,
Но почему вы здесь? Вас Бог сюда привёл?

—
Меня пугает Тьма, меня пугает пепел за окном,
Там чёрная дыра, мой зал – корабль: вон и горизонт.
Пенроуз и Хокинг думали об этом, теперь и наш черёд?
И почему молчите вы? Какой в безмолвии толк?

—
Платон, Сократ, вокруг вас легион,
Всё сузилось до комнаты, но место всем нашлось.
Даймония послал мне Бог — я визионер,
Вы не химеры — нет, вы — центральный нерв.

—
Я осмыслял бытие, ваши души помогали мне в этом,
Один у нас этос, ведь терраформируем вечность!
Аристотель, спасибо, ковал ты из меня поэта,
Ура! Всё понятно, это агония тела, а вы — мост в посмер-
тие.

Судьба человека

О, Боги, вот он я — мессия, долгожданный царь,
Олимп, святая ты гора — Зачем Зевес меня послал?
Аид сидит себе в Гадесе, гадает на гранатах,
Шучу, не знаю я, какие у Богов забавы.

—
Уж ладно! Мой кузен — великий Прометей,
Зажёг огонь, культуру дал — поклон ему отдай же, человек.
Зевес, конечно, Бог строптивый — всех он наказал,
Но как ещё познать, что есть добро, как громыхает по-
ступь зла?

—
За этим тут и я! Смотрите, будто сын Афины,
Из золота моя броня, а мышца? Такой не видели вы силы!
Арес, тьфу на тебя! На моём фоне ты лишь немошь,

Пришёл я в мир, готов бороться, хочу, чтобы Добро вос-
пели!

—

Иду вперёд – но, где живут злодеи? Не вижу их,
Титанов нет, гигантов нет, как мне найти ехидн?
Какой-то странный Мир! Все плакали и вьли,
Пришёл рассеять Тьму, где прячется противник?

—

Старик, скажи мне, будь так мил – где идёт война?
Молили вы, грозили Небесам, кричали – "Тут кошмар!".
Пришёл герой, смотрю вокруг, не вижу ничего,
Зачем тогда кричать? Вы звали, я пришёл.

—

Ха-ха, герой! Что ты себе придумал, что это за эпос?
Ты оглянись вокруг, младенцы мы, так где ты ищешь зре-
лость?

Тела их подросли, но духа в этой плоти далеко нема,
Грызут друг друга, пьют, дерутся – вот и вся "война"!

—

Ты прежде, чем бросаться в Мир – подумай,
Человек свой главный враг, себя же он и губит.
Ты выдумал себе врагов – ехидн, титанов, страшных гэр-
пий,

Но нет кошмара пуще нас – хоть это люди не признают!

Свеча

Раньше тебе казалось, что ты родился слепым,

Всё было затянутой пеленой: казалось, что мир плыл.

Чудилось, будто он состоит из расплавленных циферблатов,

И голоса раздавались как-то приглушённо – советское радио.

–

Тот человек в подъезде, чем же он был?

Не пил, не бил, ребёнок в душе, но телом – старик.

У него был в сердце родник, он тебя окропил,

Сказал нечто простое, но убойное – "Их возлюбил".

–

В спящей многоэтажке, в том, что зовётся "панелькой",

Смог найти человека, который во что-то верил.

Он коснулся твоего разума простыми словами,

Ты прозрел тогда, обомлел от того, как стало ярко.

–

"Теперь ты свеча" – он так тебе сказал,

Свеча – источник света, не убирай её под кровать.

И с этим теплом, что источала твоя душа,

Ты пошёл по лестнице жизни, чеканя уверенный шаг.

–

У них не было света, а ты им его дарил,

Привнёс в мир любовь, стараясь и других воспламенить.

Ты был душевным калекой, но тебя обновили,

Не вдыхал испарения золота, не копил, как долги, обиды.

–

Самое обычное детство – быть может в чём-то тёмное,
Ты вырос хорошим, но не снискать тебе слова дóброго.
Может в этом и смысл – быть обычной свечой?

Может это был не обычный старик, ведь в каждом живёт

Господь.

Щит Любви

Я бы тебя не уничтожил, даже если бы было можно,

И никакие морозы не заставили бы меня согреть твоими
останками вóздух.

Всё так просто – мои слова пропитаны добротою,

Ты Человек с большой буквы, так давай же творить ис-
то́рию.

–

Давай напрягать мышцы, но не дай бог разорваться трём-
бу,

Будем бежать по полю, ощущая крепкие нóги.

Наш антидот приятен, он очищает мы́сли,

И деяния наши – пример: пример любви без коры́сти.

–

Жёлтое небо без звёзд, солнце ласкает ли́ца,

Святая вода из рек, которой нельзя напíться.

Полки с пыльными книгами, надежда на "тайного" Бóга,

Всё вокруг изменилось, нас кусает злая эпо́ха.

–

Ты заходишь на стримы ребят, что тоже ищут себя́,

Они разжигают огонь, а ты им подносишь дрова́.

Понимаешь, что религия – ветер, кусающий тёплые щёки,
Спасаемся из этой культуры, по-иному толкуя Пророка.

–

Сквозь буран, сквозь бурю, сквозь боль – шагаем по гряз-
ным листьям,

Мы не кривим душой, ведь мы с тобою не лисы.

У нас особый тандем, попытка создать заслон,

Мы – щит от порочного Мира, мы – щит, что зовётся "Лю-
бóвь".

–

И все эти строки тебе, ведь ты моё Небо,

Я знаю, что ты на душе, где бы я не был.

Может многое и предстоит, поджидает битва с драконом,

Но сердце уже не болит, ведь с тобою мы Зло побóрем.

Призраки культуры

Призраки гуляют по Мíру, великие эйдосы, что мы схо-
ронили,

Маркс, дела твои как? На полке пылится твой "Капитал".

Статуя Свободы теперь слепá, повязка Фемиды её сокры-
ла глазá,

Улыбка окрасила чужие уста, фашизм и коммунизм мерт-
вы – торжествуй, либерáл!

–

Или нет? Или всё не так, как ты думал?

Век секулярный не смог одолеть веру в дóхов.

Призраки существуют – хотя бы в виде ностальгии,

Человек всё ещё верит, но что делать с религией?

—

Искать, любить, страдать — что-то должно внутри быть,

Не вера фанатика, не вера учёного — речь про шлифованную мысль.

Кто сказал, что это процесс быстрый? Подкрадись к Истине, будь рысью,

Разукрась полотно жизни кистью, рассеяв все страхи молитвой.

—

Это молитва Фомы, молитва человека, что ищет,

Ищет нечто весомое, нечто, что привнесёт смысл.

Ведь вера без дела мертва, ведь вера — человеческие слова,

На дискурс о Природе падёт тень монструозного Христа.

—

Моё нутро преобразится, внутри меня скептицизм,

Пиррон, фидеизм, попытка понять язык.

Желание стать выше в плане духовном, достать с неба звезду,

Не преумножать зло, чтобы не просыпаться в кровавом поту.

—

Я готов говорить о Боге, хотя больше мне хочется жить,

Чтобы смотрели на мой лик, чтобы он за меня говорил.

"Вот богоискатель: его ум — это меч, он идёт только вперёд",

Известно и то, что тропа непроста, ведь любовь – это в чём-то и боль.

Зов бездны

Только я, только ты – бескрайнее озеро мыслей,
И вера моя в Тебя – пусть скажут же, что я мистик.
Мой трактат о нас, он о том, как нужно молчать,
Тишина, что глушит звуки Природы, что ест голоса.

–
Уже по колено, я готов погружаться на дно,
Не хочу делать больно другим, мне бы залечь в окоп.
Воронка войны, где Смерть говорит о вечном,
Остриё бытия, что сластит горечь Гадеса.

–
Да что акваланг? Я буду плыть на пределе возможного,
Не сойти бы с ума, экстаз перекрывает воздух.
Мои лёгкие тренированы, а мысль бежит вперёд,
Метафизическая война, где человек и есть фронт.

–
Тёмные воды озера, что нами зовётся жизнь,
Я назвал его "озеро", но это всего лишь язык.
Что там – за чертой – я не знаю и знать не хочу,
Нырнул в водоём, хочу чувствовать, что живу.

–
Уже середина пути, понимаю, что меня штормит,
Вот в этом и сущность веры, она ориентир в "пути".
И все эти споры о Вечном – они уже здесь не важны,

Я достиг своего предела, дальше не видно ни зги.

—

Это безумие, друг, что же мне делать да́льше?

Философия не даёт опоры, лишь запахом "Истины" мáнит.

Я смотрю в глубь — это мираж, но всё бесполезно,

Начинаю погружаться дальше, называй это "зовом бэзд-ны".

Мужество быть

Ты искал смысл, люд тоже его искал,

Глаголил про толщу воды, про искорёженный батиска́ф.

Не знал, где Свет, надеялся на мощь фона́ря,

А потом ты всё понял, ведь наконец-то открыл гла́за.

—

Свет существует, он сокрыт внутри нас,

Но мы жалуемся на Мир, хотя Мир — попросту факт.

У него нет воли, нет конкретных намерений,

И возможность изменить отношение — для тебя теперь "Откровение".

—

Церковь осталась где-то за бортом, зачем это бремя?

Вечность вопрос времени, ты стал рыцарем véры.

Не веришь в святые истины, сплетаешь из мудрости щит,

Ты просто нашёл опору, принял то, что зовётся "быть".

—

"Мужество быть" — так бы сказал Цицерон,

Есть нечто вне Мира – туда ведёт плеяда дорог.
Дорог мне факт того, что я способен думать,
И думы мои – канат, а страх мне становится другом.

Фидеизм

Ох, опять богословие, опять пустословие,
Вас уже растоптал Вальтер, а как же деяния логиков?
Дарвин ворвался в Мир, показал эволюцию видов,
Какая уж вера теперь? Какие библейские истины?

–

Но дело людей живёт, человеку нужна поддержка,
И вера в наших сердцах, свет Истины всё ещё брезжит.
Проповедник взойдёт на кафедру, начнёт свою длинную
речь,

Сошлётся на слова Павла – "Возрадуйтесь наконец!".

–

Мой дорогой клирик, о чём ты мне говоришь?
Посмотри-ка скорей на вселенную, её завёл Часовщик?
Наука потрепала миф, наука затронула веру,
И не буду верить в то, что я потомок Адама и Евы.

–

Хватит уже, апологет, мне не нужны твои примеры,
Объективная красота? Я вот в неё не верю!
А ещё посмотри сюда – рождаются мёртвые дети,
Теперь закрой глаза: представь пепел людской и печи.

–

Я буду следовать Христу, используя его образ, как свечу,

В тёмном коридоре жизни отдушину в вере найдú.

Я за "слабую теологию", в моей вере есть место для Дúха,

И для Бога здесь место есть, Его нет, но Он обязательно

"бúдет".

–

Вот крест, видишь тут красоту? Мне она не данá,

Истлела вера Традиции, от неё осталась золá.

Распятый висит на дереве, на лбу выступает крóвь,

Кровь явит не только страдания, в крови явится не-суще-

ствующий Бóг.

Христианский атеизм

Я верую в со-бытийного Бога – внемлите, мой "символ
вёры",

Сей Бог – практически призрак, а мне не нужна цёрковь.

Писание – человеческий текст, а Иисус – даритель надежд,

Не думаю, что он воскресал, думаю, что он истлёл.

–

Он не зря эту ношу нёс, лелею его слова́,

И много я вижу хорошего в творчестве христиáн.

Но догмы мне не нужны, отвергаю святую Трóицу,

Читаю иногда псалмы, чтоб душою мог успоко́биться.

–

Думаю я по-разному, мой Бог не создавал Мíр,

У меня плоская онтология: с Богом мы с вами равны́.

Что после смерти будет? У меня нет такого отвёта,

Хоть и буду я крайне рад, если нам уготована вéчность.

—
Мои воззрения крайне просты, иные в них есть чудеса,
Разве это не чудо, когда тебя покидает а́нгст?

"Мужество быть" и вера – это меня вдохновляет,
Мой Бог взывает ко мне, а я Ему отвечаю.

—
Это "евангелический фидеизм", спекуляции мне не нужны,

Я лишь формирую стержень, что мне помогает жить.
Тёмная теология: гиперобъекты и клочок моли́тв,
Это "слабое" богословие, а ключ к нему "атеизм".

Сладость отчуждения

Здравствуй, отчуждение, рад тому, что ты е́сть,
Ведь ты тот самый крест, ведь ты базовый грёх.
С тобой не нужно мириться, я буду бороться с тобой,
Да, я "обречён на свободу", но не скорблю, как Сартр
Жан-Поль.

—
И чего мне тебя бояться? Ты лишь образ, ты Смерть,
Я не буду от тебя бежать, так не поступает мудре́ц.
Умру я однажды, что дальше? Что же с этим не так?
Мне не нужны неврозы, мне бы изжить а́нгст.

—
Сократ говорил о нас, глаголил, что мы тщеславны,
В чём наша мудрость? Ведь мы ничего не знаём.
И все наши мысли – догмы, суть застывшая глина,

Но "Я" не стану статуей, претит мне каменный идол.

—

Я исповедуюсь вам: в своей вере и в своём неверии,
Меня пугает тот факт, что на мне такая ответственность.
Каждый акт гедонизма пронзает стрела солипсизма,
И потому я нашёл Того, Кто в итоге дарует мне смысл.

—

Скажет мне пастор громко – "Радуйтесь, братья, всегда",
Я не хочу это делать, мне аффирмация не нужна.
Хочу, как Израиль, бороться, особенно со своим духом,
У меня нет сейчас "Я", есть только ненужные думы.

—

Возьму всё самое лучшее, что дала мне культура,
Буду сражаться с тем, что следует за мной неотступно.
Трагедия человека – это то, что познал Достоевский,
Это невозможность познать себя, но возможность искать
своё место.

Красный угол

Ох, какое тут всё красное... А детское лицо? Оно же пре-
красное!

Алая кровь на плитке, здесь чуется Танатоса запах.
И красное вино на полу, кровавые брызги на стенах,
Я не смог бы находиться тут, но со мной долг и символ
веры.

—

Красные мигалки скорой, а вот красный халат хозяйки,

Её жизнь уж оборвалась, но вижу, что она сражалась.
Я стою в центре этого зала, как будто готовлю мессу,
А в красном углу иконы, но не склонят там больше ко-
лени.

—

Соседка кричит за дверью, что это "проделки Черта",
Я смотрю на мёртвых людей, в стеклянных глазах вижу
Ад.

Тут практически преисподняя: смесь из красных цветов,
На обоях красный оттенок, на полу кровь и вино.

—

Не могу приступить к молитве, мне кажется, что я —
Иисус,

Я словно попал в пустыню, а это искушений путь.

Мне бы снять одежду пастора, перестать говорить о Боге,
Я бы спрятался от людей, но разве это поможет?

—

"Отче, прости сих детей, они не ведают, что творят",
Ты простил даже разбойника, Ты преисполнил верой ме-
ня.

Выгнал меня из храма, в Тебе тоже есть святая ярость,
А я сейчас среди трупов, я тоже ей исполняюсь.

—

Мои горькие размышления прервал чей-то тяжёлый шаг,
"Ну как, прочитали молитву? Это важно, ведь я их знал".
"Да, прочитал молитву, но по их душам не буду скорбеть,

Мне бы сохранить себя, а это сложно средь зла и смертей".

К мёртвым

Подумай... Хм, так это теперь полноценный перформанс,
Нам ведь выпало жить в непростую эпоху.

Состояние перехода, постоянно меняется мода,
Так ты и не против, ведь удовольствие – твой наркотик.

–

А что, если я выбью твой костыль? Задам вопрос о бытии?
И вот ты уже затих: рот приоткрыт, а глаза пусты.

Может сходим в твою церковь? Какие нынче иконы у де-
тей Интернета?

Фирменные вещи? Поп-идолы и концерты? Продукция
Apple?

–

Мы всё ещё утопию стрбим, а от тебя разит меланхолией
и алкоблем,

Вокруг нас новые бóги, вибрация тревоги, проблемная
экология.

Но это всё отступленье, меня не особо волнует дух време-
ни,

Я подожду: прочитай молитву технике, пусть слышат и
медиа.

–

Так что там с бытием? И зачем ты живёшь?
Это атомарный вопрос, не стоит кривить лицо.
У тебя дыра в груди, я издалека вижу это,

Порой ты заедаешь боль, иногда покупаешь новые вещи.

—

Тут нет человека, ты толпа, что требует хлеба и зрелищ,
Круги на воде, которые больше не репрезентуют бытие.

Ты пустышка, ничто, типовой адрес в интернете,

Не боишься смерти, ведь заблокированы мыслительные процессы.

—

Я пришёл рассыпать зёрна сомнения, ведь Моя слава ещё велика,

В Меня ещё верят твои предки, но таких, как ты, Я не создавал.

Существую ради тех, кто вечность в сердце несёт,

Ведь тот, кто выбился в люди, уже не вернётся в "народ".

Ад – это другие

Когда гаснет свет, что проявляется в липкой тьме?

Тебя обнимают бесплотные тени, ты слышишь сердца биение.

И за окном огни небесные, похожие на тусклую свечку,

О стекла разбивается ветер, тебя охватывает лёгкий трёмор.

—

Давай дойдём до зеркала, чтобы найти отражение,

Кошмары – плод воображения, огонь их призван развешивать.

Хочется увидеть плазмы движения, почтив этим Проме-

тёя,

Свет от зажигалки временный, но лишает тебя тяжкого бременя.

—

Здесь кто-то есть, может попробуем их счётся?

Ты — это текст, что зачитывается с обшарпанных сцен.

Но нет свободных мест, ведь всех увлекает процесс,

Механизм борьбы с сáспенсом, угнетающим нашу сáмость.

—

Искры выхватывают из тьмы твоё лицо, где-то рядом вздыхает и Режиссёр,

А между вами промежуточное звено, ему сознание не дано.

Ты растерян, ведь рядом есть кто-то ещё, ему Мир тоже дóm,

А для тебя он что? Может сон? Может череда жутких грёз? Шум от несмолкающих грёз?

—

Режиссёр ничего не скажет, а твой предок покажет нечто невербáльное,

Дальтоник не согласен с тем, что кровь красная, а физик заявит, что не существует сознáние.

Но вы ставите общий спектакль, Мир — это покосившийся театр,

Вы софитами его освещáете, делая вид, что Истину знае-

те.

—

Но не так много во тьме у вас создать получается,

Ведь Мир ещё и кладбище, а вас ведёт не Истина, вас ведёт интуиция и импровизация.

И когда тьма опадает, каждый начинает жить в плену кошмаров,

Ибо тьма вас оголяет, сомнения вас щипают: "А не является ли это всё Адом?".

Потрясение оснований

Думы мои о тебе – Сократ, я хочу иметь мужество размышлять,

Не хочу от боли бежать, хочу, как святой Георгий, её пронзать.

А давай начнём с фундамента, нам тайное в свете явится, Этот свет инклюзивен, ведь он не освящает насилие.

—

Нет-нет, мы не обессилели, мы люди практичные, Вечно жить не станем, однажды, как роза, завянем.

Это первое – я умру́, может кремируют, может схоронят в гробу́,

И скажет мне Анубис, что моё Посмертие не его забота: "во что ты верил, то и заработал".

—

И ещё я всё потеряю – это вторбе, хоть и дом не на песке стрбю,

Но думы сопряжены с болью, ведь это всё такое родное.
Уйдёт мать, уйдёт отец, уйдёт молодость, уйдёт сила,
И Экклезиаст повторит – всё станет грязью и пылью.

–

Третье: меня никогда не будет, а вокруг боги и люди, свершаются судьбы,

Мне понять суть бы, но везде битвы, куда ни сунься.
И меня едят мои же мысли, а я стараюсь от них сокрыться,
И это ещё одно: в нас с тобой нет никакого единства.

–

К чему это я? У кого-то Сизиф, а у кого-то Тиллих,
В затылок дышит Смерть, но мы в поиске лейтмотива.

Кое-чему научила Бергмана картина: "никакого самоубийства",

Ведь цель мудреца – достойно прожить, а затем переродиться.

К Дарье М

Серые тучи, ломкие сучья, Мир совсем хрупкий, с тобой сцепилась стужа,

С ужасом понимаешь, что сознание сужено, может вся эта боль заслужена?

Но в тебе хватает мужества и разумности – ты умница,

Может я тот самый суженный, что обещал явиться к ужину? Чтобы Зла пути распутать.

–

У меня нет ничего, кроме свечки и хлеба, ещё дарствую

у пѣчки мѣсто,

Ты со мной не из-за дѣнег, это не наваждение: грею твою душу и тѣло.

Когда ты открываешь глаза – светлѣет, когда рядом сопишь – разбегаются бѣсы,

Природа мне отдаёт ветки, я бросаю их в печку мѣтко, чтобы твоя кровь бежала по вѣнам.

–

У меня в руках старая Библия, я и сам про любовь, какие обиды?

Наши губы близко, Господь – это "тайна и мистика".

Он сказал: Пусть возбуждается плоть, чтобы двое стали одно,

И мы переживѣм потоп, ведь наши чувства и есть плоть, что вознесет нас до гор.

–

Я пронзил чѣрствое сердце этого Мира, у меня были силы, ведь знаю, как ты красива,

А он решил отомстить мне, наслав морозный ветер на нашу обитель.

Ему, любимая, не победить, ты не будешь болеть, ведь я буду гореть,

Стану огнѣм для тебя, чтобы рассеять таких злых духов, как злоба и смерть.

Любовь, смерть и эстезис

В основание положена голова Адама, череп ослабился,

Моё тело избито, на руках и ногах раны, тьма сокрыла кроваво-красное марево.

Разошёлся занавес в храме, мертвецы восстали, а живые замерли,

Иоанну вручаю заботу о матери, на меня смотрят иудеи и римские стражники.

—

Но вернёмся в начало, в тот момент, когда завяла слава небесного сада,

Тьма Гефсимании, я молился, а ученики спали, в этот момент гонители приближались.

Во мгле стояли Бог и Пастырь, обсуждали деяния своей паствы,

Никто не хотел славы, лишь вынашивали идею, чтобы люди в итоге поверили.

—

Пастырь сказал, что не творил зло, не хотел зла, ему претит, что его называют Сатана,

Он живёт с собой в мире, разводит животных, смотрит, чтобы землю никто не обидел.

И вообще он просит прощения у Господа, ему хочется духовного, а не плотского,

Люди угнетают его дух, они молятся и приносят жертвы ему, а он хочет одного – обрести тишину.

—

Бог же думает о другом, Он не считает Пастыря своим вра-

ГОМ,

Ему интересно общаться со мной, Его интересуют идеи: их влияние на историю и время.

Иуда уже рядом, а Бог смиряет меня Своим взглядом, Вокруг него сияние Рая, ангелы трубят и на лирах играют, а Он изрекает: "Иешуа, вот твоя чаша".

—

Я стою во дворе, а они смеются, первый удар в зубы, От второго синяк под глазом – это всё кара за Адама, Потом меня ударяют в печень – это уже за Еву, за то самое древо,

Они плюют в моё лицо и кричат: "Горе тебе, праведник" – это плата за Каина.

—

И вот меня бичует римлянин, каждый удар символизирует ваше имя,

Я плачу за всех: за тех, кто верит, за тех, кто не верит. Между Богом и человеком больше не будет закрытой двери,

Вот потому я улыбаюсь сквозь боль, ведь на мне венок из терний.

—

Иду на Голгофу, а меня проклинаят, пусть, я же вас спасаю,

От чего? От бессмыслицы, от пустоты, от тревог.

Руки разводят в стороны, их пробивают гвозди, трещат

мои кости,

Но Бог дал вам не гнозис, Он вас окропил моей кровью,
чтобы вы помнили: Мир познаётся "красотою".

Тысяча лезвий

Вот, приготовлена тысяча лезвий, в сей час моя мысль
проста – тебе от них никуда не деться,

При этом ты вспомнил детство? Поэту оставь прошлое,
осколкам памяти тут не место.

Одно известно: ты не воскреснешь, ибо ты лишь плесень,
унизить тебя – плёвое дело,

Ты нищ, но не кину мелочь, у меня нет размена, так взгля-
ни же в реестр, что доселе был тебе не известен.

–

Узнаёшь? Я один из судей, жди меня ночью, зри меня
утром,

Всё тут в заём: личность, предметы быта, дом.

Значит, споём! Одно лезвие – это за тщеславие, больно
уж реэв ты.

Танцуй, к чему этот вбй? Лезвие второе – это за всю кровь,
что прблил.

–

Юдбль скорби, мы купаемся в Мёртвом море, наши глаза
сочатся собью,

Это всё от тебя исходит, за всю ложь лови лезвий втрое
ббльше.

Так и ищешь в разуме ответы, а у меня ещё много угото-

вано лэзвий,

Думаешь, что я законник, что я Лэвий? Вот тебе по лэзвию за праздный ум, за слабость, за лэность.

—

Мне нравится то, что я делаю: я кара, я привожу закон в исполнение,

И я вовсе не Левиафан, не Тьмы порождение, ведь я вэстник.

Речь не об ангеле, да и ты не праведник, я говорю о части, Часть тебя, то, что следует за тобой по пятáм, воплощённый кошмáр.

—

И пока тебя пронзают остальные лэзвия, я присяду, смогу насладиться этим бэдствием,

Мы вмéсте, но я не имею скéлета, а потому лови ещё лэзвие, пусть будет болéзненно.

Как тебе эта рулётка? Каков твой мыслительный вéктор? Проклинаешь Бога или Дьявола? Думаешь, что они меня над тобой поста́вили?

Святая наивность! Действую по собственному на́йтию, зо-ви меня "Совесьть" — я твоя личная вíселица.

Неотложка

Мутный дождь, тебе не нужен зонт, ревет мотор, пар, что исходит от ртов,

Карета скорой, твои кости держат скобы, с твоим гороскопом ошибся астролог.

Сирены вой, что там – за окном? Водопад из человек, вибрация толп?

И ты никакой не герой, ты статистика, ты ноль.

–

Пока скорая мчится, дай же злорадством мне насладиться,
Никакого сожаления в их лицах, им бы добраться до больницы.

Кто я? Меня тут нет, ибо я Ангел смерти,
Существую с начала времён: бдю, веду учёт и надзор.

–

Давай смеяться, заблудшая душа, чего ты?

Скорая в пробке, врачи решают сканворды, думая, что ты мёртвый.

Жить хочешь? Это как так? А что ты делал до этого дня?

Так посмотрю, ты и не думал о смерти, подписывался на бессмысленные мероприятия и проекты.

–

И вот – пришёл Ангел смерти – это же надо, я теперь мотивационный тренер!

Слушаю вой сирены, смотрю на блики синего и красного, с тобой разговариваю.

Ты же щеришься, трясёшься, умоляешь и просишь,

"Оставь меня, Ангел смерти, я хочу жить, заявить о себе делом".

–

Скука какая! Ладно, сегодня я в духе, исполню твоё же-

лание,

На, возвращаю дыхание, сердце снова бьётся, как барабаны.

Ох, как же врачи испугаются! Люблю Смерть, люблю её правила,

И чего уставился? Завтра выпишут, так что ответь себе сразу – "Мне даровали жизнь, куда буду инвестировать и вкладывать?".

Лютый Малюта

Малюта, опять кровью малибешь? И ты когда-то был малютка,

Вырос, стал лютым, сколько погубил христианских судьб?

Будет тебе, Малюта, подумай-ка лучше – "А Бог меня не осудит?",

Думаешь, что пустят в райские кущи? Чую же, Малюта, там нехристь не нужен!

–

Мал ты, Малюта, а глаза, как у Сурта, спрячься – в подвал что ли юркни,

Дверь подопрй лавкой, вспомни, как душил Филиппа своей лапой,

Как он дышал натужно, а ты хохотал ему в уши, приговаривая: "Знать, падла, будешь",

Он теперь Христу целует руки, а тебя ожидают вечные муки, прячься, Малюта, ибо иду Я.

–

Не продохнёшь, Малюта, хоть тело гниёт уж, не оправился ты от пúли,

Гули-гули, Малю́та, громче кричи, чтоб Я слúшал, крепче сжимая твою дúшу.

Уж в лабиринте, а тут и все, кого казнил ты, горемычный мститель,

Они будут вершить справедливость, Малю́та, повезло тебе крупно: вечность будет тебя в рог скру́чивать – "Это заслúженно".

Петля опричнины

Шёл по земле рúсской, не было у меня карту́за, а вера моя лучина, что рассеет и тьму, и тúчи,

Однажды будет всем лúчнее, в один момент закончатся мúки: тогда и поймём, что так было нúжно.

На меня наставляют лúки, возможно, что опричникам скúчно, но помни – они "глúхи",

Простого пúще: их породила Тьма, потому и запачканы в крови их рúки, ведь они псы, коих учат подчиняться и ню́хать.

–

Множатся у людей о царе слúхи, а я не замечаю молодцев, будто они мúхи,

Тебя послу́шать, делать больше нечего – пойд и повесься на ближайшем сúке.

"Эй, пúтник, важных людей тебе не замечать лúбо?" – говорят они мне исстúпленно,

Им морозно, они танцуют, но видно, что я их крайне интересую.

—

На столбах висят мёртвые люди, да и опричники суть ходячие трупы,

У боярина по соседству больше не дымят трубы, не будут блестеть дочери кудри.

Разбросаны игрушки, смерды остывают, будто истлевшие угли,

Царь считает, что он Господь, неужто? Он и опричники людей губят, ведь нет в убийцах святого — они мёртвые души.

—

Я перекрестил упитанных и нахальных ребят, однажды придёт и их час,

Вот и узнавание в их глазах — поняли, что я "монах" — насмешки не стали продолжать.

А огонь опричников всё жрёт дома, думаю, что трепещут князья,

Не смерть им хотелось познать, ведь они знать, а это значит, что им нужны рубины и шелка.

—

Не ради этого я ступил на эти земли: мне внемли, хочу донести до царя своё мнение,

Я глух и нем, часовые не видят меня со стён, помышлять о злате — их интерес.

Вот хоромы царя — пункт назначения, царь плачет, на ру-

ках тело царевича,

Я верно рассчитал час: "Царь, пришло время ответить за
стоны дѣтские, за убийства богомерзкие".

—

Ты возомнил себя Богом, но это лóжь, ты деспот — утратил
свой блеск трóн,

Господь решил, что до второго пришествия ты не умрёшь,
будешь скорбеть и испытывать бóль.

Один и тот же миг, что будет повторяться: ты, твой сын,
ваша дра́ка — будешь мучиться и ждать конца́,

И он будет раз за разом умирать на твоих руках, а ты бу-
дешь всё понимать: "Творец не даст тебе сойти с ума́".

Стигматы, что оставила ртуть

Люблю ко́нтуры наших доро́г, свят факт существования
се́л,

Мы осели здесь давно́, чтобы наш по́т соединился с этой
землёй.

Здесь все приближены к Го́споду, наши люди работают без
о́тдыха,

До последнего вздо́ха сор земной будут выкорчёвывать.

—

Утром моя мысль ясна́, мне кое-что вам нужно показáть,
Работя́г, коих съедает земля́, у них струпья даже на язы-
ка́х.

Там женщина, что хоронит дитя́, брошенные игрушки
спрятал сара́й,

И толпа́, что крестом осеняет поля́, и риза священника,
что всегда́ будет сиять.

—

Вот моя шко́ла, на заднем дворе мои однокашники похоро́нены,

И то́поли растут на том месте, где мы дружно в церковь то́пали.

Там мы в ладоши хло́пали, вручая наши заботы Го́споду,
Эти люди го́рбились, но ни слезы не про́лили, ибо нищие
духом наследуют царствие Бо́жие.

—

В этом месте самая сильная ве́ра, русский Христос своим
шагом границу Истины наме́тил,

Мрут де́ти, но Бог нам свиде́тель — настоящее солнце те-
перь им в Раю све́тит.

У многих тут галлюцина́ции — им святые явля́ются, а ещё
у них мура́шки, но не от экзальта́ции,

И эти стигма́ты не от лопаты, их часто скручивает, воз-
можно, что это от молитвы припа́док.

—

Я думаю, что это место существует не зря — тут хранится
веры криста́лл,

Периодически приезжаю сюда, чтобы забирать в библио-
теку их сакральные текста́,

И помощь гуманитарная не от меня — она от Бо́га, ведь
государство бросило их за бо́рт,

Будто сделало абóрт, избавилось от лишних забóт, забывая о том, что не заво́д, отравивший ртутью уж немало озёр, даровал им благочестие, им его даровал Бо́г.

Старые боги

Вопрос докучливый: Что есть Жизнь; что есть Смерть? докучи,

Какой из этих сколов Бытия кру́че? От любого скрю́чит, Папирус скру́чен – в нём важные закорю́чки – а внутри клю́чик,

Ты на краю – маргинал или лю́мпен, мандорла суть люминсценция у́лиц.

–

Фре́ймы ищет Фре́йд, всё в головё – спутанный клубок зме́й,

Free – не Свобода, "Фри" – торговая ма́рка, что вся в ма́сле.

Я на побегушках ма́льчик, что живёт на сда́чу, о котором говорил Ма́ршалл,

Технологии апроприируют ра́зум, но суть вирус троя́нский, взрощенный на идеях Ма́ркса.

–

Шака́л, что не прошёл ни одну из психологических шка́л, Идеология – в Нарнию шка́ф, что манит тебя́, у всех теперь экзальта́ция.

Но где их сердца́? Как судить каирских меня́л, кои слили предков некта́р?

Не Ра́, а покровитель волков и собак, на весы упадёт и
ваша душа́.

—

Идентичность потеряна, у вас не жизнь, а истерика, что
льётся из телика,

Фундаментализм, что защитит реплику, секулярная свя-
тость, что исходит от техники.

Но Осирис послал меня, вот я — вот базар, чувствую, что
грядёт гвалт,

Где-то развернется Ад, где-то будет найден Асгард, ведь
и у богов свой азарт.

—

Думаю, что грядёт война́, ведь вера вам, как плоть Бога,
нужна́,

Исида лишит сил Капитал, Гор гордо вернётся к небесам,
так что Медиа иссушит глаза́.

Гермес будет между сновать, донося Зевса слова́, обгоняя
Глобализма сигнал,

Принесём меч, ваши жертвы будут нас влечь, и Перун со-
бирает вече: настало время развлечься.

Мёртвый Бог

Больше нет цепей, боль ушла — се облегчение,

Не обличай, а научи, забудь про бремя проповедника.

Обличий много принял Бог, керигма суть неиссякающий
поток,

Мифологемы прошлого забудь, ведь смысл сущего в Дру-

гóm.

—
В Мире, где Коперник совершил переворót,
Зрим небосвóд, где сияют тысячи звёзд.

И чувствуем востóрг, ведь есть Нечто, а не ничтó,
Это поражает больше всего, как и истории вздóх.

—
В этом Мире читаю бибблию, чтоб насладиться,
Где Иосиф плакал в Египте, где божий Сын воплотился.
Язык тот надо переводить, ведь мы в Мире машин,
И каждый фразеологизм уж давно устарел — "увы".

—
На людской плóщади сказано, что нравственный Бог
мёртвый,

Он не потусторóнный, Его не доказать с помощью лóгики.

Имя-Отца наша рáдость, атеизм в Нём был с самого на-
чáла,

Прав был Лакан: Бог теизма — лишь божóк, нам требуется
потрясение духовных оснóв.

—
Требуется Тóт, что есть Бытиё, Тот, что зовёт,
Он есть Любóвь, которая победит людское Злó.

Нам эпоха бросила вьзов: будь секулярен, будь тео-ло-
гичен,

И усвой главный христианский принцип — "нужно обно-
виться, чтоб страдающий Бог и в этом веке смог возродить-

ся".

Общество спектакля

Общество спектакля, здрасте! Хлопай, никогда не говори хвátит,

Ты что предатель, приятель? На шоу народ уж собрался.

Говоришь, ты на главной рóли? Не хмурь так грозно брóви,

Ты смотришь на всё однобóко, да и на деле ты лишь мас-сóвка.

—

Ты лишь кролик, лови моркóвку, одомашненный, в меру дóбрый,

Покупаешь из Китая кроссóвки, с горячим сердцем берёшь листовки.

Общество спектакля, здрасте! Станцуй для меня, приятель,

Ты любимый мой избиратель, про тебя мне расскажет big data.

—

Ты спишь, а я в сны проникаю, знаю, что вам нрáвится,

Знаю, куда курсор направляешь, обеспечу тебя мечтáми.

Не делай губы дóдкой, ты моя любимая проститутка,

Ты урна для моего мусора, я продаю тебе всю безвкúсицу.

—

Ты актёр, думал главный что ли? Тебе кидаю пустые роли,

Потребитель ты и не бóлее, профсоюз тебе не помóжет.

Надень цвет красный, крикни "за Мάρкса", я раздавлю тебя, как букáшку,

Ты проснёшься в мокрой рубашке, говоря: вот так кошмары!

–

Общество спектакля, здрасте! Помни, ты самый глáвный, Только следуй трендам рекла́мы, наслаждение-то из Рáя. Важен ты, камерам взмахни, улыбнись папара́нци, Помни, капитал тебя ценит: не забывай хлопать и наслаждаться.

Улыбнись, интеллектуал

Интеллектуáл, правый или левый, мне какая рáзница? Кислая мина у тебя́, будто ты впитал каждой твари страдания́.

Это здорово, что идеи есть в мóзге, но это же не рóзги, Так зачем грустные рожи ко́рчить, кто ж пойдёт за тобою?

–

"Быть интеллектуалом – быть гру́стным". Ух ты!

Вот Иисус всегда пачкал ру́ки, ведь Его волновали люди. Он и феминист, и атеи́ст, но не думал о том, чтоб грусти́ть, И Эпикур говорил о сча́стье, философ – не тот, кто пла́чет.

–

Мыслитель – это соль земли́, но ты хоть на себя посмотри́, Пока один думает о други́х, ты пишешь не для толпы́. И рассуждаешь довольно ужáсно: "многих нам и не на́до",

Лишь элита войдёт в наше брáтство, а остальные вот ту-
повáты.

—

Н-да, какая тут филосóфия? Сложный язык и мысль от-
влечённая,

И все грустят безотчётно, стараясь не знать о народе.

Думаю, что с меня хвáтит, философия – путь к счáстью,
О ней расскажи в мáнге, воплоти её на экрáne.

—

Все грустные мыслители, вы Любви познать не хотите ли?
Посторонитесь, ведь засвистят иронии вы́стрелы.

Мы говорить будем искренне, распространяясь по типу
ви́руса,

Чтоб не грусть мыслителя ви́дели, чтоб смотрели в лицо
победителя.

Любовь есть взрыв

Темнота, как одеяло, во тьме порой прячутся стра́хи,

В ней может скрываться и а́нгел, что не хочет твоих стра́-
даний.

Душа твоя – это а́рфа, сердце бьётся подобно о́ргану,

Мне хочется быть музыкáнтом, чтоб горестей ты не зна́ла.

—

Темнота порой чёрная крáска, а я стану цветом я́рким,

Неба ты нежный послáнный, сотканный из желáний.

Из желания жить лúчше, из желания грустных не слúшать,

Смотришь в волшебное блюдце, пытаясь понять бúдущее.

—
Давай вместе станем будущим, сцепляя наши рúки,
Ты для меня ангел, а я стану разноцветным звúком.

Иногда тяжело с Миром внéшним, станем друг другу под-
дёржкой,

Я вселяю в тебя Надéжду, а ты свечка, что душу грéет.

—
Любовь – это шаг навстрéчу, твои волосы путает вéтер,
В глазах вижу цепь из созвёздий – будь моя бесконéч-
ность.

Войдём в гавань, где живут счастье и рáдость,
Чтобы тайное стало явным, чтобы Тьма покинула рáзум.